

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И СУБКУЛЬТУРА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Автор: А. Н. ИЛЬИН

ИЛЬИН Алексей Николаевич - ассистент кафедры философии Омского государственного педагогического университета (E-mail: ilin1983@yandex.ru).

Аннотация. Автор предлагает рассматривать массовую культуру в виде совокупности субкультурных явлений. Это пространство представляется ризоморфным (*rhizoma*), по причине гетерогенности общества: каждая субкультура сосуществует с другими, и ни одна из них не имеет привилегированного положения по сравнению с остальными. Основным критерий, позволяющий разделять данные явления - это субъектность как конструкт личностных качеств (автономность, осознанность, целостность мировоззренческой позиции), на которую каждая субкультура оказывает определенное влияние. Особое внимание уделяется панк-культуре как явлению китча.

Ключевые слова: массовая культура, субкультура, субъект, панк

Одна из главных характеристик культурного пространства российского общества - разнообразие субкультур. Их многообразие указывает на гетерогенность культурного пространства, его неоднородность и неоднозначность. Причем трудно проследить доминирующую ветвь, выделяющуюся среди явлений культуры, что говорит о ризомности (*rhizona*) культурного пространства. Эти субкультурные явления можно уподобить так называемым дискурсивным практикам, и определенное число индивидов, относящихся к той или иной культурной традиции, выражаясь словами М. Фуко, определяют свою принадлежность через обобществление одного и того же корпуса дискурсов [1, с. 48 - 96]. Они признают и принимают единый комплекс норм, правил и вкусов, свойственный данному дискурсивному пласту культуры. Дискурсивная практика есть не только фактор образования культурной связи между индивидами, но и основание для их культурной идентификации. "Мы - сподвижники идей пацифизма", - утверждали хиппи. В этом утверждении (и ему подобных) прослеживается приверженность к некоему дискурсивному пласту культуры, где местоимение "мы" означает коллективную принадлежность к чему-то одному, а также в нем может быть заключено противопоставление по отношению к некоему "они", которыми могут выступать представители других субкультур, имеющих мало общего с данной субкультурой: рокеры, интеллектуалы, эстеты. Одна и та же культура позволяет многим людям сказать "мы".

Имеет смысл поставить вопрос о сопричастности и соотнесенности этих пластов, о том, как они могут сосуществовать друг с другом. Подобно фукианскому рассмотре-

нию дискурсов как прерывных практик - перекрещивающихся, соседствующих друг с другом и вместе с тем исключают друг друга - поле существования субкультур также характеризуется процессами пересечения и исключения. Так, трудно провести четкую грань между культурой битников и хиппи, поскольку их идеи очень близки. Однако панк противопоставляет себя всем возможным культурам (и всей массовой культуре в целом), тем самым проявляя попытки их исключения. Также в кардинальном противопоставлении и взаимоисключении находятся идеи глобализма и антиглобализма, национализма и интернационализма.

В современном обществе, наполненном множеством практик социального поведения, формируется "разорванность" (мозаичность) сознания индивидов, что приводит к отсутствию целостного представления о самом себе [2]. То есть гиперплюрализм, с одной стороны, дает субъекту многообразие вариантов для самоидентификации, с другой же - затрудняет возможность обрести субъектную целостность - единую и непротиворечивую картину мира. Примеряя множество масок, ролевых моделей поведения, субъект успешно адаптируется в социальном пространстве, становится "многофункциональным", но вместе с тем его расщепленное эго более похоже на набор субличностей, которые взаимодействуют друг с другом согласно принципам как сосуществования, так и борьбы. Таким образом, субъектность расширяется по горизонтали, охватывая все больше и больше идеологий и поведенческих норм, но вместе с тем уничтожается как целостное явление.

Может быть, из-за неопределенности сущности культуры вообще, из-за ее ризоморфного характера возникают различные субкультурные явления, ни одно из которых не имеет право на привилегированное существование по сравнению с другими. Так, в классическом понимании массовая культура противопоставляется элитарной, но уставший от всяких противопоставлений постмодернизм стирает демаркационную линию между ними, объявляя массовой культурой одновременно все и ничего. Так же как все стало эстетично, сексуально и политично, в то время как эстетики, сексуальности и политики как отдельных областей уже не существует, и они друг в друга перетекают и сливаются одно в другое в ситуации "после оргии" [3, с. 186 - 270], также массовое становится элитарным, а элитарное - массовым.

Очередная концепция, рассматривающая масскульт в отрыве от всех остальных явлений культуры, разделяет его на три уровня: китч (низший), мид (средний) и арт (высший) [4, с. 39 - 42]. Но зачастую оказывается трудным прочертить грань между этими уровнями, а если арт воспринимается как высокое искусство, то снова снимается противоречие между массовой культурой и элитарной. Теперь масскульт плавно переходит в элитарность, и точкой их соприкосновения и сопричастности выступает арт, но при этом возникает закономерный вопрос о принципиальном отличии арта как уровня масскультуры от элитарной культуры. Или же, глядя на эту концепцию, можно смело констатировать отсутствие между ними каких-либо отличий, что снимает вопрос о их соотношении и постмодернизирует данную позицию.

Представляется, что выделять бинарность массовое-элитарное возможно лишь в обществе, которое действительно разделено на два класса. Причем это деление может производиться как согласно социальному критерию (престиж, материальное состояние, общественный статус и т.д.), так и собственно культурологическому (уровень культурного - интеллектуального, нравственного и т.п. - развития). Но поскольку современное российское общество не поддается такому четкому делению, не имеет смысла вводить бинаризм при рассмотрении вопроса о культуре.

По нашему мнению, все нынешнее культурное пространство более целесообразно представить не как оппозицию массовое - элитарное, а как совокупность субкультурных явлений, сосуществующих друг с другом. Также можно оставить деление культуры на вышеописанные три уровня, но в таком случае необходимо определиться с критерием, согласно которому данное деление производится. Мы выдвигаем в качестве такого критерия субъектность как основную социально-психологическую характери-

стику человека, объединяющую в себе такие качества, как осознанность (рефлексия), целостность (четкость и устойчивость мировоззрения) и самодетерминированность (способность управлять собой вместо того, чтобы отдаваться во власть внешних обстоятельств). Таким образом, низким уровнем культуры обладает та область, которая поработает субъекта и разрушает эти его качества, средним - та, которая его сохраняет и дает возможность к потенциальному развитию, высоким - та, которая создает условия для его развития. Каждая субкультура представляет собой определенный социальный элемент, отличающийся от других элементов ценностями и нормами. И, соответственно, трудно выделить какие-нибудь "общие" для всего современного социума нормы и эталоны, которым не было бы отказано в доступе в любые субкультурные явления и которые равнозначно принимались бы представителями всех субкультур. Е. С. Велевич выражает эту мысль следующим образом: "Если ранее кто-то или что-то выступало в качестве эталона, и этот эталон навязывался непосредственно массовому обществу, то сегодня происходит тщательный анализ (обработка) самого эталона, он модифицируется в массу "вторичных эталонов", предназначенных для разных групп общества. И тиражирование этих эталонов в дальнейшем осуществляется уже в каждой определенной группе, а не всего общества. Таким образом, массовая культура на новом этапе массовизации создает не один, а множество эталонов" [5, с. 91].

А если многообразие субкультур говорит о высокой степени гетерогенности общества, то следует согласиться с мыслью А. В. Костиной, которая утверждает, что сегодня специфику массовой культуры определяют процессы демассификации, дестандартизации и персонализации [6]. Однако всегда ли это так? Конечно, общество в целом теперь не подчинено строгим правилам и запретам, характерным для тоталитарных режимов, но вместе с тем эта тотализация субъектности может иметь место на локальном уровне - внутри не массовой культуры как таковой, а внутри какой-либо субкультуры в отдельности. Так, распространение так называемых тоталитарных сект навряд ли можно связать с культурной демократизацией и персонализацией; скорее наоборот, растущее сектанство связано с неопределенностью самоидентичности современных людей, с размытостью идеалов и ценностей, с характерным для сегодняшней России процессом отчуждения. Раньше была одна деперсонализирующая культура - советская, а теперь их много. Конечно, далеко не всем из них можно придать такую мрачную окраску, но некоторым из них она к лицу.

По замечанию Э. Тоффлера, благодаря субкультурам, в которые мы - осознанно или нет - входим, формируются наши индивидуальности [7]. Однако эта фраза представляется весьма спорной, так как можно утверждать и обратное: благодаря субкультурам наши индивидуальности уничтожаются. Нельзя сказать, что какое-то из этих утверждений верно, а какое-то нет; скорее, они взаимодополняют друг друга, тем самым подразумевая наличие как положительных для индивидуальности субкультур, так и отрицательных. Понятие "индивидуальность", о котором говорит Тоффлер, мы заменим на "субъектность", являющуюся предметом нашего изучения.

Итак, все разнообразие субкультур, в которые каждый из нас входит, можно разделить по степени их влияния на субъектные качества. Но для начала необходимо перечислить хотя бы несколько из них. В основном субкультуры воспринимают именно как политико-идеологические молодежные течения, хотя на самом деле термин "субкультура" может быть применим к любой сфере человеческого бытия.

Так, субкультурами являются хиппи, панки, рэперы, скинхеды, эмо и прочие. Кроме того, бывают субкультуры, отражающие профессиональную принадлежность входящих в них людей: милицейская, врачебная, научная и т.д. Субкультуры, связанные с интересами в области литературы: любители фантастики, детективов, классики, фэнтэзи (к последним можно причислить толкиенистов, хотя их сообщество связано не только с чтением соответствующей литературы, но ее содержание определяет весь их образ жизни). Религиозные организации тоже можно назвать субкультурами, так как они имеют свои, отличные от других, традиции и ценности и тоже стремятся к объединению людей. В общем, учитывая классическое разделение культуры на такие

элементы, как религия, искусство и наука, внутри каждой из них мы можем найти наличие специфических субкультурных явлений. К этим элементам можно добавить еще быт как наиболее широкую область, включающую в себя сферу труда и досуга - повседневности.

Но остается неясным вопрос: как субкультура, в которую вовлечен человек, может оказывать влияние на его субъектные качества? Рассмотрим это на примере панк-движения. Панк-движение изначально представляло из себя неконформистское явление, попирающее общественные нормы и правила и выступающее против мещански-меркантильного образа жизни так называемого среднего человека, обывателя, массы. Панк критиковал массовую культуру и все с ней связанное и противопоставлял себя масскульту как нечто альтернативное. Однако можно ли рассматривать панк и массовую культуру, особенно самые низкие ее явления (китч), как абсолютно противоположные? Мы склоняемся к отрицательному ответу на этот вопрос - панк, по существу, есть одна из составляющих китча.

Считается, что панк появился на рубеже 60-х - 70-х гг. XX века. Но есть и другое мнение, согласно которому появление этого движения уходит корнями в античность, а именно в философское учение кинизма. Но мы рассмотрим панк в его современной понимании, оставляя в стороне вопрос о взаимосвязи с его древнегреческим предшественником. Основной принцип панк-культуры - негативное отношение к материальным благам, к карьерному росту, статусности и общественному признанию, - всем тем ценностям, которые культивируются сегодня в культурной среде (особенно молодежной). Однако, если обратиться к анализу образа жизни панков и качеству их музыкальных творений, мы придем к мнению о том, что панк и современный китч не имеют принципиальных отличий.

Образ жизни панков отличается такой же бездуховностью, как и образ жизни современной массы. Панк циничен, антиинтеллектуален и несерьезен. Вполне правомерно было бы сравнить его с детским инфантилизмом и незрелостью. Собственно, панк - это игра, это жизнь, внутри которой нет труда, нет эстетики, нет стремления к духовному и интеллектуальному развитию. Есть только эпатаж.

Панк-идеология предельно проста. Следуя ей, человек, как он думает, противопоставляет себя модным тенденциям современной массовой культуры, хотя на самом деле, ратуя против моды, его поведение во многом от нее зависит. Ему неважно, что из себя эта мода представляет, на какие продукты культуры и искусства прослеживается наибольший спрос. Главное - противостояние большинству. Однако если панк противостоит этому большинству, он не может претендовать на индивидуальность, на подлинную субъектность, так как он вместе с тем зависит от этого самого большинства. И эта зависимость прямая. "Если сегодня все следуют жизни по сценарию "получить образование и устроиться на высокооплачиваемую работу, то я этого делать не буду"", - думает адепт панк-культуры. Но если завтра мода изменится, и большинство уже будет придерживаться совершенно другого образа жизни, панкам придется менять свою идеологию, чтобы противостоять новым тенденциям моды. В этом и заключено отсутствие четкой позиции, устойчивого мировоззрения. "Я всегда буду против", - пел Е. Летов, и эта фраза вполне отражает "идеологию" панка, которая по сути представляет из себя борьбу "знаем с чем, но не знаем во имя чего". Наиболее подходящим будет фраза "движение от чего-то", а "не движение к чему-то". Соответственно, позиция панков зависит от чего-то внешнего, и это внешнее (массовая культура) формирует данную позицию. Здесь будет вполне уместно вспомнить мысль М. Хайдеггера, направленную против людей, не думающих, а "занимающихся философией", "приватное существование" которых, основанное на противопоставлении себя общественному мнению, не есть свободное бытие человека. Оно, питаясь пустым уклонением от всего публичного, находится в рабстве у публичности [8, с. 194 - 195]. Подобную же мысль, логически встраиваемую в контекст интересующей нас проблематики, можно найти в работе И. Жеребкиной, анализирующей творчество Джудит Батлер: "субъект, сопротивляющийся определенным социальным нормам, в то же время является субъектом,

произведенным этими самыми нормами" [9, с. 223]. В общем, философия панка, на поверхности кажущаяся независимой от социальных норм и ограничений, на самом деле обнаруживает свое существование в рабской зависимости от общественного мнения.

Говоря о зависимости, имеет смысл провести аналогию с концепцией потребностей, предложенной Э. Фроммом. Анализируя потребность "связанность с другими - нарциссизм", он говорит, что человек часто впадает в одну из двух крайностей - стремление к подчинению и стремление к доминированию. "Человек, движимый любой из этих страстей, в действительности становится зависимым от других людей; вместо развития своего собственного индивидуального бытия он оказывается в зависимости от тех, кому подчиняется, или от тех, над кем господствует" [10, с. 22 - 23]. Таким же образом можно представить не только связку "подчинение-доминирование", но и "следование за модой - отвержение моды". Для полной наглядности имеет смысл к обоим полюсам добавить слово "тотальное" или "абсолютное".

Ученые описывают модель трех стадий развития личности - адаптация, индивидуализация и интеграция [11, с. 100 - 106.]. Использование этой модели дает возможность проанализировать не только развитие отдельного индивида, но и определенной культуры, в том числе и панк-культуры. Стремление к подражанию является более низшим этапом, чем индивидуализация и интеграция. Если при первой стадии (адаптация) ребенок следует принципу "быть как все" и стандартизируется, при второй (индивидуализация) он действует по принципу отличия, причем иногда жертвуя своими настоящими желаниями и потребностями. То есть, на второй стадии есть только мнимая личностная позиция - позиция "отличаться от всех", которая также зависит от мнения большинства ("если все носят джинсы, я буду носить обычные брюки, несмотря на то, что джинсы мне нравятся больше"). Синонимом адаптации в данном контексте выступает конформность, а синонимом индивидуализации - негативизм. Конформность - это специфический способ "разрешения конфликта между личным и доминирующим в группе мнением в пользу последнего: зависимость человека от группы вынуждает искать подлинного или мнимого согласия с ней, подстраивать поведение под кажущиеся непривычными или ложными эталоны". "Негативизм - стремление во что бы то ни стало поступать вопреки господствующему большинству, любой ценой утверждая противоположную точку зрения" [12, с. 50]. А третья стадия (интеграция) характеризует сложившуюся личность, обладающую твердой субъектной позицией, не зависящей ни от кого ("неважно, что делают все, а я буду делать то, что нравится мне"). Но обращая свой взор на панк-культуру, мы можем сказать, что, несмотря на убежденность ее представителей в свободном образе жизни, она тем не менее характеризуется стадией индивидуализации с присущей ей негативизмом. А это не имеет никакого отношения к свободе, поскольку свободное проявление присуще человеку, находящемуся на более высокой стадии - интеграции, которой панк-культура не достигает.

Если обращаться к музыкальному творчеству панков, нетрудно увидеть в нем много общего с китчем. Так называемый панк-рок не совсем оправдывает свое название, поскольку он совершенно некачественно сыгран, грязен (в музыкальном смысле) и не отличается высокой поэтичностью (в текстовом смысле). Группы "Sex Pistols" и "Clash" получили мировую известность не потому, что высокопрофессионально играли, а, наоборот, потому, что их музыкальный профессионализм оставлял желать лучшего; они стали известными благодаря тому, что были первыми группами, абсолютно не умеющими играть, и тому, что внесли в молодежную культуру образ пьяного, грязного и увешанного всяким хламом подобно новогодней елке тинейджера (этакий эффект новизны). Да, это пощечина общественному вкусу, на которую общественность моментально обратила внимание, за счет чего панк постепенно начал становиться массовым. Но такая пощечина выглядит убогой и требует ответной меры со стороны элитарной культуры. Три аккорда, звериный рык - вот и вся музыкальность, вот и вся эстетика, которой в настоящем смысле слова вообще нет. Музыка должна быть профессиональной. Вообще профессионализм - один из критериев отличия высокого

искусства от низкого. Панк-рок же, подобно современной попсе, предельно прост и примитивен - как в музыкальном, так и в содержательном смысле. Единственное его отличие от попсы - революционность (непонятно за что) и "грязность" исполнения.

Конечно, панк-культуру нельзя назвать массовой в прямом смысле слова, но ее можно ей уподобить. Панк считается субкультурой, так как находит мало приемников, но в целом он такой же низкий, бездуховный, антиэстетичный и примитивный, как китч-культура. Однако при описании панка не стоит сильно сгущать краски. Панк-культуру вследствие присущего ей эпатажа - в первую очередь идеологического свободопроявления - можно рассматривать как инструмент борьбы против тоталитарных режимов, бюрократично-догматичной идеологии и мещанства. Поэтому неуместно демонизировать панк-явление подобно всей китч-культуре. Китч многоаспектен и многогранен, что демонстрируется сосуществованием разных псевдокультур, одни из которых проповедуют мещанский (гламурный) образ жизни, гедонизм, глянец и т.д., а другие, наоборот, высмеивают эти ценности, к последним и относится панк. Как и массовую культуру, мы не имеем возможности привести китч к общему знаменателю. Он заслуживает возмущения как проявление бескультурья, но при содержательном рассмотрении многих его тенденций мы сталкиваемся с проблемой их оппозиционности и идеологической противопоставленности, что не позволяет выстроить единый и непротиворечивый образ китча как целостного культурного феномена.

Естественно, негативизм как предельная форма противопоставления себя всему обществу в целом может иметь место не только внутри панк-культуры, но и внутри почти любой субкультуры. Равно как одновременно с этим человек может проявлять абсолютный конформизм по отношению к той культурной традиции, внутрь которой он попал. То есть, с одной стороны (по отношению к "Они") негативизм, а с другой (по отношению к "Мы") конформизм - взаимосвязанные явления, не оставляющие места для субъектности. Но в таком случае имеет значение то, с какой целью человек вступает в некое сообщество. Если он это делает ради слияния с ним, путем которого он убегает от гнетущей действительности, такая эскапистская мотивация не может быть названа конструктивной. То есть, не все субкультурные явления сами по себе поддаются четкому делению относительно их влияния на субъекта - одни и те же субкультуры могут влиять как положительно, так и отрицательно, в зависимости от целей самого субъекта. Так, при описанной неконструктивной мотивации, которая сама по себе характеризует недостаток развития субъектных качеств, они имеют меньше шансов развиваться. При конструктивной мотивации субъектные качества, уже будучи достаточно развитыми до этой конструктивности, имеют стимул в лице стремлений человека и влияния на него субкультурных традиций, к дальнейшему развитию.

Но несмотря на тезис о неадекватности разделения самих субкультур, без учета целей вступающих в них людей, по степени их влияния на субъекта, все-таки можно с уверенностью сказать, что некоторые из субкультур однозначно влияют негативно (или позитивно). Мы уже это показали на примере панка, но наиболее ярким (и актуальным на сегодняшний день) примером будет являться криминальная субкультура, которая приводит к практически полному регрессу субъектных качеств, изменению ценностных ориентации, на место которых встают антисоциальные ценности. Культивирование данных традиций через соответствующее искусство - музыку и кино - ведет к увеличению преступности, а также к культурной и интеллектуальной деградации населения.

Положительное влияние могут оказывать, например, профессиональные слеты, на которых люди, общаясь, делятся знаниями и опытом, тем самым обогащая свой профессиональный уровень.

Современную массовую культуру, из-за ее гетерогенности, можно представить как совокупность различных субкультур. Субкультуры (объективный фактор) могут оказывать разное влияние на субъекта - как положительное, так и отрицательное. Но вместе с тем имеют значение не только семантическая составляющая субкультурных явлений - их нормы, ценности и традиции, - но и цели, которые преследует человек,

вступая в те или иные движения культуры (индивидуальный фактор). Так, от степени конструктивности целей по отношению к самому себе и своему развитию зависит и характер влияния субкультурного потенциала на субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
2. Комаров С. В. Проблема субъективности в трансцендентально-феноменологической традиции западной философии / Автореф. дисс. докт. филос. наук. Екатеринбург, 2007.
3. Бодрийяр Ж. Фантомы современности / К. Ясперс, Ж. Бодрийяр. Призрак толпы. М., 2007.
4. Аблеев С. Р., Кузьминская С. И. Массовая культура современного общества: теоретический анализ и практические выводы // Человек в социальном мире: проблемы, исследования, перспективы. Научно-практический вестник. Выпуск 2002/1 (N 8).
5. Валевиц Е. С. Феномен массы в переходный период общественного развития: методологический анализ // Дисс. канд. филос. наук. Омск, 2008.
6. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2006.
7. Тоффлер Э. Футурошок. СПб, 1997.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
9. Жеребкина И. "Прочти мое желание..." Постмодернизм, психоанализ, феминизм. М., 2000.
10. Фромм Э. Человеческая ситуация - ключ к гуманистическому психоанализу // Фромм Э. Искусство любить. СПб., 2002.
11. Новикова Е. Ю., Петровский В. А. Использование механизмов моды в педагогической практике // Вопросы психологии. N 3. 1990.
12. Токарева М. Ю., Донцов А. И. Меньшинство как источник социального влияния // Вопр. психологии. N 1. 1996.